

38. Шрамко Б. А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор//Древности. — X., 1994.
39. Шрамко Б. А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця//Археологія. — 1962. — Т. XIV.
40. Marinescu George. Die jünger Hallstattzeit in Nordostsie benbürgen//Dacia. — Bucarest, 1984. — Т. XXVIII.

А. Г. Чередниченко

Об источниках по проблеме этногенеза древних македонян

трану в центральной части Балканского полуострова между реками Галиакмон, Аксий (Вардар) и Эригон древние греки называли Македонией. В глубокой древности ее населяли различные племена, о которых не сохранилось практически никаких сведений, известны только их названия. Более счастливой оказалась историческая судьба македонян, давших имя стране. Будем называть их так, чтобы отличать от славян-македонцев, поселившихся в Македонии в раннем средневековье. Под предводительством царей из греческого рода Аргеадов (Теменидов) македоняне подчинили соседей и создали государство, сыгравшее значительную роль в истории древнего мира. Однако по сей день не утихают среди антиковедов споры о том, были ли македоняне особым индоевропейским этносом или же являлись «деревенскими родичами эллинов» [1, с. 11]. Решить проблему могут лишь совместные исследования языковедов-компаративистов, историков и археологов, этнологов. В данной работе мы намерены рассмотреть вопрос о месте древнемакедонского в индоевропейской семье языков и сопоставить результаты лингвистического анализа, основанного на достижениях сравнительно-исторического языкознания, с данными античной традиции о происхождении древних обитателей Македонии.

Чтобы разобраться, почему важно определить статус языка македонян, обратимся к дефиниции понятия «этнос». Этнос (в узком значении этого термина) «может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований, самосознанием, фиксированном в самоназвании (этнониме)» [2, с. 57–58]. Но невозможно судить о мировидении (менталитете), особенностях психики македонян, так как сведения о них мы черпаем из произведений античных авторов. Сами же македоняне не оставили письменной традиции и с давних пор находились под сильнейшим влиянием эллинской цивилизации. Не найдено ни одного текста, даже надписи на древнемакедонском языке. Дошли лишь отдельные глоссы и имена собственные (около 150 слов), зафиксированные в трудах древнегреческих ученых. Большая часть древнемакедонских языковых единиц собрана в словаре лексикографа V в. н. э. Гесихия Александрийского [3; 4]. Остатки языка (нем. *Sprachreste*) древних македонян свидетельствуют о его принадлежности к индоевропейской языковой семье. Однако из-за малого количества данных о языке, столь важного этноопределяющего признака, современные исследователи, чтобы определить этническую принадлежность македонян, обращаются к сочинениям античных историков.

Наиболее ранними из сохранившихся и авторитетными нарративными источниками по проблеме этногенеза древних македонян и истории Македонии доэллинистического периода являются труды Геродота и Фукидида (вторая половина V в. до н. э.) [5; 6; 7; 8]. Так, описывая события времен Пелопоннесской войны, например, поход союзника афинян фракийского царя Ситалка (431–424 гг. до н. э.) в Македонию зимой 429–428 гг. до н. э., Фукидид перечисляет области, подвластные македонскому царю Пердикке II (454–419 гг. до н. э.), сыну Александра I Филэллина (498–454 гг. до н. э.), восьмому царю из рода Аргеадов (Теменидов) [Thuc. II, 80; II 99–100]. Это Нижняя Македония (собственно Македония, Эмафия), земли линкестов, орестов, элимиотов в Верхней Македонии, граничащей с Иллирией, Эпиром и Фессалией, область между горой Олимп и Термейским заливом Эгейского моря Пиерия, Боттией в районе устья реки Акси́й, находящаяся к западу от Пиерии и Боттии Эордия, область к северу от Эордии Алмопия, часть Пеонии вниз по течению Акси́я до города Пелла и моря, Мигдония, Анфемунт, Крестония, Бисалтия между реками Акси́й и Стримон. Если цари линкестов, элимиотов и орестов подчинились македонским царям и стали их союзниками, то пиеры, боттии, эорды, алмопы, мигдонийские эдоны, крестоны, бисалты потерпели поражение в борьбе с македонянами и были большей частью вытеснены со своих земель во Фракию. Подробных сведений об этнической принадлежности вышеперечисленных племен и самих македонян «История» Фукидида не содержит. Но Фукидид, как и его старший современник Геродот, указывает на эллинское, аргосское происхождение царского рода Аргеадов-Теменидов [Herodot. V, 20; V, 22; VIII, 137–139; Thuc. II, 99, 2]. В «Истории» Геродота мы находим сообщения об обитавших в Македонии бригах, большая часть которых некогда переселилась в Малую Азию. С переменной местопребывания они изменили свое имя на фригийцев [Herodot. VI, 45; VII, 73]. Армии же были выходцами из фригийцев (или из Фригийской земли) [Herodot. VII, 73]. Весьма примечательным является рассказ Геродота о племени македнов. Этноним «македоняне» явно связан с именем македнов [9, с. 19–20]. По словам «отца истории», эллины-дорийцы во времена легендарного царя Девкалиона жили «в земле Фтиотида, а затем при Доре, сыне Эллина, — у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После изгнания из Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пинда (Пидна) и назывались теперь македнами. Отсюда это племя снова переселилось в Дриопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев» [Herodot. I, 56]. В 43-й главе 8-й книги своей «Истории» Геродот рассказывает о том, что жители пелопоннесских полисов Сикиона, Эпидавра и Трезена «принадлежат к дорийскому и македонскому племени и переселились в Пелопоннес из Эриней и из Пинды и, наконец, из Дриопиды [Herodot. III, 43]. Жители же находившегося недалеко от Эпидавра и Трезена аргонидского полиса Гермона были дриопами, изгнанными Гераклом и малийцами из Дриопиды, именовавшейся во времена Геродота уже Доридой [Herodot. VIII, 43]. Напомним, Эриней — город в Дориде, а название «Пинд» носила гора на западной границе Фессалии и город в Дориде. Таким образом, македны — одно из дорийских племен, соседствовавшее с дорийцами еще в Гистиеотиде или в районе горы Пинд и мигрировавшее вместе с ними. По мнению большинства исследователей, македоняне (прамакедоняне) входили в одну племенную группу с македнами, но рано обособились и двинулись из Фессалии на север, к эпицентру своего исторического расселения в долине реки Галиакмон [9, с. 19–20, 24–25]. Кстати, по Гесиоду (конец VIII–начало VII в. до н. э.), македоняне были связаны с потомками Эллина лишь кузенным родством, являясь, как и фессалийцы-магнеты, потомками Зевса и праматери Тии, дочери Девкалиона [10, с. 87].

Также вызывает интерес эллинская мифолого-генеалогическая традиция, называющая легендарного прародителя-эпонима македнов Македна сыном царя Аркадии Ликаона, сына Пеласага и дочери Океана Мелибеи (или же нимфы Киллены) [11, с. 60] [Apollo. III, 8, 1]. Кроме Македна, сыновьями Ликаона являются Теспрот, Певкетий,

Кавкон, Телебой. Теспрот — прародитель-эпоним племени теспротов, живших в южной части побережья Эпира, Певкетий — древних обитателей средней части восточного побережья Апулии певкетиев, Кавкон — мессенского племени кавконов, изгнанных из Пилоса миниями [Herodot. I, 147; IV, 148], Телебой — жившего в Акарнании негреческого племени телебоев. А вот прародитель-эпоним дорийцев Дор, сын Элина и нимфы Орсеиды, внук Девкалиона, правнук Прометея, был, по мнению древнегреческих мифографов, дальним родственником Македна [Apollod. I, 7, 2]. Данную традицию зафиксировал в сочинениях «О богах», «Этимологии» афинский грамматик и мифограф II в. до н. э. Аполлодор. Для создания своих произведений он использовал не дошедшие до наших дней древние эпические поэмы, сочинения ранних греческих авторов. Сохранилось краткое переложение произведений Аполлодора, известное под названием «Библиотека» или «Мифологическая библиотека». Датируется оно второй половиной I в. до н. э. Опираясь на этот источник, а также на поэмы Гомера, «Теогонию» Гесиода, многочисленные сообщения логографов, Геродота, Фукидида и других античных авторов, можно сделать вывод о том, что древнегреческие мифы представляли собой единую систему, в основе которой лежал генеалогический принцип. Каждый народ, согласно мифологической традиции эллинов, имел своего прародителя-эпонима, являвшегося потомком какого-либо божества, а те, в свою очередь, были членами огромного рода потомков Урана и Геи. По мнению А. Ф. Лосева, генеалогический принцип построения мифов — это наследие первобытной эпохи, когда человек вообще не мог мыслить вне своих общинно родовых отношений и весь мир представлял как универсальную родовую общину [12, с. 10–11]. Но, возможно, это также память о древнейшей истории и родстве индоевропейских этносов (эллинов, римлян, иранцев-персов и др.) [Apollod. I, 7; II, 4; III, 8; III, 12; Ep. 3–7]. По-видимому, генезис легендарных образов родоначальников-эпонимов различных народов был тесно связан с формированием в глубокой древности культов племенных вождей [13, с. 320–330]. Племенные же божества, судя по всему, стали впоследствии в мифах предками прародителей этносов. Следовательно, в «Мифологической библиотеке» Аполлодора (или Псевдо-Аполлодора) и произведениях других античных авторов за именами мифологических персонажей часто скрываются древние этнонимы. По всей вероятности, Аполлодор зафиксировал традицию, согласно которой македны не были одним из греческих (прагреческих) племен. В связи с этим вызывают интерес сообщения Страбона (64/63 г. до н. э.—23/24 г. н. э.) о том, что Македонию, ранее называвшуюся Эмафией, населяли эфирцы, иллирийцы, пеоны, бриги-фригийцы (пиеры, эдоны, мигдоны, ситоны, бисалты) и выходцы с Крита боттией [14, с. 300–309] (Strabo VII, fr. 1–43). Дорийцев великий географ, описывая Македонию, не упоминает.

Итак, изучая проблему этногенеза древних македонян, необходимо опираться на языковые данные компаративистики и свидетельства античных авторов, прежде всего Геродота, Фукидида и Страбона. В качестве источника можно привлечь также древнегреческую мифолого-генеалогическую традицию.

Систематические исследования по проблеме происхождения македонян и определению места древнемакедонского языка в кругу индоевропейских начались еще в начале XIX в. Из работ по данной проблеме, появившихся в последние десятилетия, следует выделить статью югославского ученого И. Пудича «Язык древних македонян» [15].

В статье рассмотрены существовавшие к моменту ее написания концепции (О. Хофмана, Я. Каллериса, И. Меркера, Х. Барича, О. Хааса и др.) по вопросу о статусе языка македонян и собраны практически все древнемакедонские языковые единицы. Проанализировав их, автор поддержал идею О. Хааса о родстве древнемакедонского и фригийского языков. Главным аргументом в пользу данной точки зрения является сообщение Геродота о том, что жившие в Македонии бриги — это часть фригийцев, оставшихся на Балканах после переселения основной массы сородичей в Малую Азию [Herodot. VI, 45; VIII, 73]. Таким образом, И. Пудич связывает древнемакедонский язык не с греческим, а с палеобалканскими языками, прежде всего с фригийским. По мнению же выда-

ющего болгарского лингвиста В. Георгиева, древнемакедонский был палеобалканским языком, генетически близким греческому [16, с. 280–282; 17, с. 22, 181–182; 18, р. 166]. В исследованиях болгарских ученых Г. Михайлова и А. Фола подчеркивается значительная роль фракийских (фрако-фригийских) племен в процессе формирования древнемакедонского этноса [19, с. 24; 20 с. 116]. Х. Данов считал македонян народом греческого (дорийского) происхождения [21, с. 113].

В работах российских антиковедов и палеобалканистов также рассматривалась проблема определения статуса древнемакедонского языка среди индоевропейских. В последние десятилетия изучением данной проблемы занимались Л. А. Гиндин и В. П. Нерознак. По мнению Л. А. Гиндина, «вопрос о статусе языка древних македонцев может и должен решаться в динамическом взаимодействии двух аспектов проблемы: генетически — это чрезвычайно архаический протогреческий диалект, ареально — оригинальный язык центрально-балканской зоны, достаточно четко отграниченный от других реликтовых языков Балканского п-ова» [9, с. 24]. В. П. Нерознак пришел к выводу, что «в своей основе древнемакедонский следует рассматривать как особый негреческий палеобалканский язык, имеющий специальные изоглоссы с рядом индоевропейских языков», кроме того, претерпевший мощное греческое влияние [22, с. 173].

Таким образом, определение места древнемакедонского языка в кругу индоевропейских и его ближайших генетических связей затрудняется недостаточностью материалов. Одни исследователи относят древнемакедонский язык к греческому, считая его диалектом последнего. Согласно противоположной концепции, древнемакедонский в своей основе рассматривается как негреческий язык, близкий к другим древнебалканским языкам (фригийскому, фракийскому, иллирийскому), но испытавший сильное влияние древнегреческого языка, поскольку его носители оказались в сфере интенсивной греческой экспансии. По мнению большинства исследователей, древнейшим ареалом, в котором формировался древнемакедонский этнос, была область по реке Галиакмон [17, с. 181–182; 18, р. 166]. Как показывают археологические раскопки некрополя в Вергине (в 70 км северо-западнее Фессалоник), находящегося в районе первой столицы македонских правителей — города Эги, древние македоняне уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э. занимали Эмафию, главную область образовавшегося в VII в. до н. э. Македонского царства [21, с. 113; 23, с. 107–109]. С давних пор они контактировали с греческим населением Фессалии, а с VIII в. до н. э. — Халкидики [21, с. 82–83; 24, с. 68–122].

В древнемакедонской лексике широко представлены заимствования и проникновения из древнегреческого языка. Но можно выделить и группу слов древнемакедонского языка, не имеющих отчетливых этимологических параллелей. По словообразовательным, морфологическим и фонологическим признакам их следует отнести к исконной древнемакедонской (индоевропейской) лексике. Примерами являются такие слова, как *αβρίσσα* — длинное копы, *σβύβη* — дротик, *ἀρυέλλα* — хижина, *βαφρίν* — винный осадок, *βέδν* — ритуальное восклицание жрецов (призыв о помощи) и ряд других.

Таким образом, изучение данных античной мифолого-генеалогической традиции и анализ остатков древнемакедонского языка согласуются друг с другом и позволяют сделать вывод лишь о дальнем родстве македонян и эллинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский/Пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. — М., 1984. — 384 с.
2. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. — М., 1983. — 412 с.
3. *Hesybiou tou Alexandreos Lexicon/Ed. K. Latte.* — V. 1. — Copenhagen, 1953.
4. *Hesybiou tou Alexandreos Lexicon/Ed. K. Latte.* — V. 2. — Copenhagen, 1966.
5. *Геродот.* История/Пер. с древнегреческого Г. А. Стратановского. — Л., 1972. — 600 с.

6. *Herodoti* Historiarum libri IX /Ed. H.R. Dietsch. — V. 1. — Lipsiae, 1887. — XLII. — 414 p.
7. *Herodoti* Historiarum libri IX /Ed. H. R. Dietsch. — V. 2. — Lipsiae, 1901. — XLVII. — 421 p.
8. Фукидид. История/Изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. — М., 1993. — 543 с.
9. Гиндин А. А. К вопросу о статусе языка древних македонцев//Античная балканистика. — М., 1987. — С.19–27.
10. Христоматия по тракология/Съставители А. Н. Фол, Д. П. Попов. — Т. 1. — София, 1989. — 227 с.
11. Аполлодор. Мифологическая библиотека/Изд. подготовил В. Г. Борухович. — Л., 1972. — 215 с.
12. Лосев А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации: Два очерка//Античность как тип культуры. — М., 1988. — С. 6–77.
13. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990. — 622 с.
14. Страбон. География /Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. — М., 1994. — 943 с.
15. Pudiè J. Die Sprache der alten Makedonen//Studia Balcanica 5: L'ethnogenèse des peuples balcaniques. — Sofia, 1971. — P. 207–223.
16. Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. — М., 1958. — 317 с.
17. Георгиев В. И. Траките и техният език. — София, 1977. — 348 с.
18. Georgiev V. I. L'ethnogenèse de la péninsule Balkanique d'après les données linguistiques //Studia Balcanica 5: L'ethnogenèse des peuples balcaniques. — Sofia, 1971. — P. 155–170.
19. Михайлов Г. Траките. — София, 1972. — 319 с.
20. Фол А. Етнически произход на населението на Балканския полуостров//История на България. — Т. 1. — София, 1979. — С. 110–117.
21. Данов Х. М. Траки. — София, 1979. — 182 с.
22. Нефознак В. П. Палеобалканские языки. — М., 1978. — 231 с.
23. Андроникос М. Царские гробницы в Вергине: Из истории раскопок//ВДИ. — 1990. — № 1. — С. 107–129.
24. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). — СПб., 2001. — 432 с.

В. В. Абрамова

Фракийский племенной союз астов в военно-политической истории Балканского полуострова

М а т е р и а л ы

период эллинизма значительную роль в военно-политической истории Балканского полуострова играли местные варварские народы. В ходе крупных военных конфликтов международного масштаба, связанных с борьбой Египта, Сирии, Македонии и Рима за влияние в этом регионе, они активно включались в международную политику как самостоятельные субъекты или в качестве союзников эллинистических государств.